

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ПРОШЛОЕ

АВТООЧЕРК

АЛЕКСЕЙ БОГАТУРОВ

Научно-образовательный форум по международным отношениям, Москва, Россия

В январе 1996 г. Евгений Михайлович Кожокин, тогдашний директор Российского института стратегических исследований, предложил мне работу заместителя директора в его Институте. Из затеи этой в конце концов ничего не вышло, но в процессе заполнения множества режимных и прочих анкет для этапа предварительного скрининга сам я волей-неволей должен был «с высоты лет» окинуть взглядом свою официальную жизнь. Этот ретровзгляд показался мне самому любопытным и даже полезным – в смысле нужной каждому разумному человеку саморефлексии – и после двух лет ленивых откладываний я все же решился по крайней мере начать краткий абрис своей профессиональной биографии в той мере объективности, какой она мне самому таковой представляется.

* * *

Я родился 24 мая 1954 г. в Нальчике в столице Кабардинской Республики, которой скоро предстояло стать Кабардино-Балкарской после того, как из сталинской ссылки были возвращены на Кавказ балкарцы. Из четвертого класса обычной школы в 1964 г. родители, уловив веяние времени, перевели меня в английскую спецшколу. Я закончил ее в 1971 г. с золотой медалью. Серебряных в те годы не было, а то я, пожалуй, получил бы такую, так как математика-физика мне не давались. Не могу сказать, что и в английском я блистал: у меня было «ломовое» русское произноше-

ние, мне было очень трудно имитировать чужую речь, я этого стеснялся. Бойко я заговорил по-английски только лет в 39, уже побывав и поработав Америке. Писать длинные научные доклады, впрочем, я научился раньше – лет в 35, этому в Институте учили хорошо. И то, и другое чудовищно поздно, если судить по современным стандартам и более молодым коллегам.

С семи лет склонная к экспериментаторству мама отправила меня заниматься частным образом немецким языком с замечательной дамой – брошенной судьбой в Нальчик после красноярской высылки саратовской немкой Ирмой Давидовной Шнейдер. С ней наша семья дружила до ее смерти в 1984 году. Она учила по старинке – тщательно, малыми порциями, педантично, упорно, с большим количеством устного разговора, слушанием пластинок, играми – так в Нальчике не учили, это было жутко утомительно, но интересно. Я проучился в нее с перерывами до самого окончания своей английской школы, сдал выпускной экзамен по немецкому наряду с английским, после чего мама отвела меня к заведовавшей иностранным отделом Республиканской библиотеки Елизавете Леонидовне Иевлевой, которая свободно говорила и по-английски, и по-немецки, чтобы та меня «посмотрела». Смотрины кончились заключением, что мой немецкий лучше, активнее и надежнее. Его и решили сдавать при поступлении в институт.

Но все же мне кажется, что языки были «не мое». У меня явно преобладала логическая, а не моторная память. Я идеально запоминал грамматические схемы и легко «чуял» ловушки во временах, спряжениях и т.п. Однако слова я запоминал с большим трудом, несмотря на упорную работу. Я завидовал ребятам, которые отыскав слово в словаре однажды, запоминали его навсегда. Я же до сих пор могу семь и десять раз лезть в словарь за словом, которое — я точно знаю — уже учил специально и писал раз десять. Это было слабое мое место, я медленно учился говорить и плохо переводил устно. Мне было интересно «разгрызть» трудную, грамматически хитро закрученную фразу-абзац, но искать и учить слова я не любил.

Поэтому думаю, что силен по-настоящему я был, пожалуй, в литературе и истории, так как одинокая моя интеллектуально жизнь заставила меня в детстве от тоски прочесть все, что было в родительской библиотеке, а это было тысячи полторы томов классики, собранной мамой. Читал я до идиотизма систематично и в багаже заимел к концу школы 22 прочитанных тома Бальзака, штук 17 Вальтера Скотта, 10 — Додэ и огромное множество другого. Основа моей общей образованности на две трети — в детстве и школьных годах. В более зрелые годы из художественного я только «дочитывал» — «серебряный век», М. Булгакова, Ю. Боргена, В. Во, Ю. Болдина, М. Маккалерс, Т. Олби, Томаса Манна.

Русских прочитал по крайней мере 10 томов у Тургенева и столько же Чехова. Но не полюбил. Любил только Пушкина. Читал, однако, всех подряд все равно — из упрямства и педантизма одновременно. Мама разрешала мне читать Мопассана и Золя, только когда я прочту Тургенева и Чехова. Вот я и прочел, чтобы получить право читать запретных французов. Не скажу, что был сильно впечатлен последними, но оценил. Сюжетнику прочитанного я, конечно, забыл. Но зато сохранил ощущение стиля каждого автора и его художественную атмосферу, так что, подозреваю, смогу и сегодня при необходимости «узнать» текст того или иного автора.

Из увлечений главным было кино и о кино. Читал все, что можно было прочесть, и собирал фотографии артистов. Мама хотела отправить меня в театроведение (отец — и вовсе: в хирурги). Но я совсем не знал театра: театр в Нальчике был слабым — я ходил с маминной подачи только в балет, а драму смотреть было нельзя. В общем, в театроведение я не подался, а подался, сдав всего два экзамена (как медалист), в МГИМО.

Психологически это было серьезно мотивировано: отец рано приучил меня читать политические новости и обсуждал их со мной. Быть в курсе политических событий лет с десяти было обычным состоянием. Это не требовало усилий. Политика привлекала.

В МГИМО пребывание складывалось непросто: «более белые» дети выбирали и более легкие языки. Провинциалам везло меньше. Детали вспоминать не буду. Приведу только факты: назначенный изучать пушту 1 сентября, я через две недели был переведен в группу сингальского языка, а еще через два месяца — в японскую группу. Естественно, я не сдал экзамен по японскому с первого раз. Любви к японскому это не прибавило. И интерес мой устремился к истории международных отношений — раз и, как выяснилось, надолго. Сюжет с несправедливой, как мне казалось, попыткой исключения меня за несдачу японского, тем не менее, был моим первым столкновением с системой и произвел на меня глубокое, негативное конечно, впечатление. Я стал недолюбливать тот бюрократический строй, из номенклатурной верхушки которого я выпал, как только очутился в Москве без родительского прикрытия. Примерно с этого времени я ощущал себя «пролетарием умственного труда». Похоже, это сидит во мне до сих пор.

Моим руководителем по внешней политике Японии был Дмитрий Васильевич Петров, лучший политолог-японист 1960-1980-х. Он был одним из трех «светлейших» людей в японоведении — слегка уступающая в академизме экономисту Якову Александровичу Певзнеру и, конечно, гениальной с «сумасшедшинкой» культурологине Татьяне Петровне Григорьевой.

Человеком Дмитрий Васильевич был талантливый и непростой — я ему многим обязан: японоведной выучкой, умением работать с текстом, владением аналитическими навыками. Впрочем, он старался сделать меня японоведом «под себя». Меня же интересовали многие вещи, рядом с которыми японоведение бледнело, — теория культуры, международных отношений и общие проблемы мировой политики. Дмитрий Васильевич к этим вещам относился иронично, да к тому же, я не обладал нужным уровнем для занятий теоретическими вопросами. Может быть, не удивительно, что он так думал. Теория в сфере политологии тогда была сродни богословию. *Быть теоретиком означало быть виртуозом в марксистско-коммунистическом понятийном аппарате и лексиконе; фантазия и анализ были не главными, они существовали в теории «полулегально» в плотной драпировке из идеологических заклинаний.* (Книга В.И. Гантмана 1984 г. классический и печальный образец этого труднейшего жанра.) При всем моем огромном замешанном на кавказском воспитании и востоковедной традиции пиетете к учителю, я был достаточно упрям, чтобы мрачно отмалчиваться в ответ на рассуждения шефа, не казавшиеся мне убедительными. Он это, несомненно, видел, но считал, по всей видимости, что это я «с жиру». Сознательно или инстинктивно, но он воспитывал из меня помощника, в чем я преуспевал, но оставаться помощником вечно, даже у такого блистательного человека, как Петров, я не собирался. Уж если и быть секретарем — то по крайней мере у академика, с присутствием молодости максимализмом думал я.

Если непосредственно в овладении аналитическим ремеслом моим учителем был он, то в общеинтеллектуальном смысле мое развитие определял совсем не Петров. Мое мгимовское образование дало мне начатки знания теории и интуитивное понимание международных отношений как системного процесса — коренное отличие мировидения хорошего мгимовского выпускника от выпускников ИСАА (к школе которого принадлежал мой шеф), истфака

или экономфака МГУ. Теория меня манила, хотя я не знал к ней дорожки.

Весной 1974 г. я познакомился с Сергеем Александровичем Шуйским — блестящим молодым человеком, востоковедом, арабистом-филологом. Он был изумительно остроумным, саркастичным и добрым одновременно человеком. Встреча была этапной интеллектуально и мировоззренчески. Сдвигом в профессиональном видении я обязан в основном и прежде всего ему: от него взыскательное отношение к профессии, иностранным языкам как инструменту познания и выражения, агрессивно познавательная позиция, стремление в точности в языке, вкус к изыску в мысли и форме и, может быть, самое важное для меня методологически — умение вывернуть все наизнанку, посмотреть на проблему с непривычного угла, исследовать смысл, найти и расшифровать нераспознанное или неувиденное, наконец, критическое отношение к авторитетам и ориентация на поиск оригинального. Мои мозги начали расковываться.

Шуйский сделал две важные практические вещи: во-первых, он четыре года кряду подолгу разговаривал со мной, во-вторых, он навел меня на пласт теоретико-культурологической литературы, о существовании которой я не подозревал. От него я узнал про формалистов, структурализм, Юрия Михайловича Лотмана, тартускую школу. Он же познакомил меня в 1977 г. с учеником Лотмана Игорем Аполлониевичем Черновым, человеком потрясающе образованным, но и наделенным весьма трудным характером. Из трех попыток наших подружиться ничего так и не вышло, но общение с Черновым (бывшим уже признанным структуралистом) закрепило и меня на аналитических позициях интуитивного структурализма, дав уверенность в правильности выбора метода.

Шуйский же заставил меня начать переводить. Первые мои переводы — колоссально трудные тексты венско-американского арабиста и культуролога Густава фон Грюнебаума — были изданы в 1977 и 1978 годах. Это была невероятная для моего тогдашнего опыта по трудоемкости и жесткости, но неопенимая по полезности

школа. Редакторскую сверку моих переводов делал Дима Фролов – более или менее много обещавший в те годы арабист, который был довольно неприятным в общении типом, но превосходным, глубоким переводчиком. Его невыносимо грубые «уроки» в процессе сверки принадлежат к числу самых неприятных моих профессиональных воспоминаний, но без них по-настоящему обращаться с текстами я бы, конечно, не научился. За что ему – искреннее спасибо. Я оценил уроки Фролова в 1980 году, когда помогал Алексею Ильичу Матвееву сверять сделанный им перевод изданной вскоре в серии «Миф и литература древности» книжечки Мии Герхардт о сказках «Тысячи и одной ночи». На этой работе я впервые ощутил, что в самом деле знаю, как управляться с переводимым текстом, «расправляться с ним», не боясь изменить структуру, но и не впадая в отсебятину; и как отыскивать нужные, точные слова. Думаю, что я никогда бы не научился точно формулировать понятия в своих нынешних теориях без этого переводческого этапа своей биографии. Вообще занятия иностранными языками в основном научили меня одному: хорошо говорить и писать по-русски. От них мое внимательнейшее (до болезненности) отношение к слову, которого почему-то нет у многих. Впрочем, Петров тоже относился к точности терминов, слов и формулировок с необычайным вниманием, в чем я был с ним согласен.

После окончания института в 1976 г. я не смог найти работу ввиду отсутствия прописки и остался работать в МГИМО старшим лаборантом в кабинете Истории международных отношений: картотеки, каталоги, досье, выдача книг студентам и преподавателям*. Через год, по счастью, Петров, который к тому времени стал заведовать отделом Японии в Институте Дальнего Востока, предложил мне должность стажера-исследователя. Это была уже серьезная профессиональная работа – и я с восторгом согласился. Директором ИДВ был Михаил

Иосифович Сладковский, доверенное лицо почти всесильного тогда члена политбюро ЦК компартии М.А. Суслова.

Я продолжал заниматься японоведением, но мысли мои были не о нем. Работа над диссертацией усугубила вызревшее во мне еще в студенческие годы методологическое противоречие, так как в ее процессе я начал дополнительное число книг по теории международных отношений. К тому же начали стеснять рамки затянувшегося ученичества. В 1983 г. я защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по сильно экономизированной теме «Проблема обеспечения энергосырьевыми ресурсами во внешней политике Японии». В 1988 г. вышла первая моя книга по этой диссертации. Я уже подумывал об уходе из милого сердцу, но казавшегося мне застойным ИДВ в Институт мировой экономики и международных отношений или Институт США и Канады.

В мае 1988 г. после одиннадцати месяцев затянувшегося не по моей вине перехода я ушел из Института Дальнего Востока, где проработал с 1977 г. по 1988 г., в ИСКАН.

Ученым секретарем в ИСКАНе был Игорь Евгеньевич Малащенко, директором – академик Георгий Аркадьевич Арбатов, заместителем директора – будущий заместитель министра обороны РФ и Секретарь Совета безопасности РФ академик РАН Андрей Афанасьевич Кокошин, заведовал отделом внешней политики Генрих Александрович Трофименко (ум. в 2005 г.). Заведующим сектором тихоокеанской политики США – Владимир Петрович Лукин (будущий посол РФ в США, потом заместитель председателя Государственной Думы, Уполномоченный Президента РФ по правам человека). Моим начальником стал Михаил Григорьевич Носов, член-корреспондент РАН.

ИСКАН был одним из двух главных средоточий интеллектуального блеска и вольномыслия. Попасть туда было грандиозным везением, честью и одновременно страшным делом – поскольку и в самом деле

*Подробнее о вкладе А.Д. Богатурова в становление и развитие российской школы теории международных отношений см.: Цыганков А.П., Цыганков П.А. Российские международники-теоретики: опыт автопортрета (результаты экспертного опроса) // МЭМО, 2014, №9, сс. 92–102. – Прим. ред.

было страшно оказаться на таком блестящем фоне. Первый год моей работы — именно этим чувством и был пронизан. Борьба за признание в отделе и Институте — это было главное. Не менее важно, впрочем, было понять кое-что и о себе. 15 лет работы ИДВ не позволяли мне понять, где я стою по своему уровню. Петров был моим единственным читателем, и я мог полагаться только на его слова. Я все еще не знал, умный я или средний. Самооценка была у меня заниженной — на что однажды в секторе мне указала Екатерина Владимировна Егорова-Гантман, работавшая в соседней комнате в секторе восходящей звезды ИСКАН — Андрея Вадимовича Кортунова.

В январе 1989 г. одновременно в трех главных советских журналах — «Коммунист», «Международная жизнь» и «США: Экономика, Политика, Идеология» вышли три мои статьи. Они были написаны в соавторстве, но это были мои статьи. За ними последовали другие. Весной 1989 г. Леонид Михайлович Млечин, заведовавший отделом в «Новом времени», опубликовал «громобойную» нашу с Носовым статью, в которой содержалась позитивная оценка японо-американского союза. С этого времени стала приходить известность.

В Институте новым заместителем директора стал Виктор Александрович Кременюк, впоследствии член-корреспондент РАН. Он «заметил» меня и стал поддерживать. В апреле 1989 г. Кременюк впервые послал меня в США.

Это было потрясающее событие — меня послали за границу от нового места и не по какому-то «блату», а вроде бы за заслуги. Я чувствовал себя открытым. Перестройка была в апогее, а с ней и моя творческая активность: в ту пору я публиковал по 12–15 статей в год и становился постепенно известен среди международников.

К этому побуждала сама изумительная интеллектуальная обстановка в ИСКАН. Там существовала полная мыслительная раскованность, не было запретов на темы — писать можно было всем и обо всем. Если тебе удавалось пробиться в «большую» печать — за тобой и признавали право на

тему. В Институте в те годы образовалась группа активных авторов. Первым в группе активных авторов был А.В.Кортунов, но его активно «подпирал» Константин Викторович Плешаков (переехал в США в 1996 г.), затем следовал Алексей Изюмов (отбывший в 1990 г. в США, ставший там преподавателем в Университет Луивилля (Кентукки)). В 2004 г. я случайно повстречался с ним в доме профессора Чака Зиглера.

Пожалуй, после них шли я, Катя Егорова и Михаил Михайлович Кожокин, ставший в 1996 г. вице-президентом банка ОНЭКСИМ, а 1998–2003 — главным редактором «Известий». Мы следили друг за другом — писали азартно, увлеченно и неплохо.

В конце 1980-х четко определились два потока моих публикаций: «остаточный» — по тихоокеанским исследованиям и новый — по общим проблемам международных отношений. Весной 1990 г. Георгий Фридрихович Кунадзе (будущий заместитель министра иностранных дел и посол в Южной Корее), бывший тогда директором Центра японских исследований в Институте мировой экономики и международных отношений, предложил мне перейти на работу к нему.

По совету своего отца, я не стал спешить с переходом в ИМЭМО и в результате переговоров с Кременюком в 1991 г. получил в ИСКАНе сектор. Это был Сектор сравнительных внешнеполитических исследований. После распада СССР потребовалось создать сектор политики США в отношении СНГ. Этот сектор поручили мне в 1993 году, а вскоре я преобразовал его в Отдел евразийской политики США, которым заведовал до сентября 1996 года. В марте 1996 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора политических наук «Конфронтация и стабильность в отношениях США с СССР и Россией после второй мировой войны» (1945–1995).

Мой авторский стиль сложился под впечатлением от нескольких людей. Вера Михайловна Красовская — крупный русский историк балетного театра, которая глубоко поразила меня умением «походя», но безупречно «в точку» «припечатать» словом. Некоторые ее фразы помню наи-

зуть. От нее — ориентация к скупой выразительности текста. Затем Грюнебаум — тяжелый немецкий стиль. Оттуда же — отсутствие страха быть непонятым из-за тяжеловатости: кому надо понять — поймет. Все это сплывало во время чтения Цветаевой. Она не только меня убедила в нужности выражаться скупой. Цветаева втащила меня внутрь «текстотворчества» и в этом смысле раскрепостила меня невероятно.

С 1999 г. главный редактор выходящего в Москве американско-русского журнала «Pro et Contra» Марина Павловна Павлова-Сильванская пригласила меня стать членом редколлегии этого журнала. Это был первый журнал, который сделал мне такое предложение, и я согласился. Сотрудничал с этим журналом до ухода Марины Павловны в 2003 году.

С 1991 г. я начал преподавать — сначала почасовиком — в Дипломатической академии, затем на тех же условиях в МГИМО, потом на четверть ставки преподавателя, полставки старшего преподавателя и полставки доцента.

В 1993 г. со второго захода выиграл стипендию АЙРЕКСа и впервые надолго (3 месяца) поехал в научную командировку в США — Институт Гарримана при Колумбийском университете. Важное профессиональное знакомство той поры — Марк фон Хаген. Там я «зацепился», и на следующий год меня пригласили читать лекции на летней сессии студентам политологического факультета. Случаем о моем курсе узнали в Принстоне, где хотели организовать нечто подобное. Они предложили мне подать заявку на прочтение курса по России и СНГ, что я и сделал. Роль сыграло мое полуслучайное знакомство в 1991 г. на конференции в Беркли с профессором Гилбертом Розманом, известным американским китаеведом, который в тот год был директором программы региональных исследований в Принстоне. Случай улыбнулся: Павел Минакир — более сильный претендент на чтение этого курса из Хабаровска — отказался приезжать по каким-то причинам, и курс достался мне. Осенний семестр 1994 г. я проработал в Принстоне — чудное место

для того, чтобы умереть лет в 75 в окружении семьи и родственников, но...

Принстону, впрочем, я благодарен несмотря на тяготы одиночества: там я и написал книгу о великих державах. В общем я преподавал за рубежом три раза — в 1994 г. и 1997 г. внешнюю политику России в Колумбийском и в 1994-1995 годах в Принстонском университетах.

Был в поездках более 55 раз в 24 странах (США, Япония, Франция, Китай, Южная Корея, Северная Корея, Вьетнам, Австрия, Бельгия, Германия, Италия, Великобритания, Венгрия, Болгария, Румыния, Польша, Турция, Греция, Индия, Дания, Египет, Израиль).

1996 год оказался для меня грустным и рубежным. Под давлением материальных обстоятельств я был вынужден оставить работу в ИСК РАН и перейти на должность профессора в МГИМО. Одновременно я начал работать в Московском общественном научном фонде (МОНФ). Радости или удовлетворения эти перемены мне не принесли. Последовали три хорошо обеспеченных материально и гнетущих в смысле творчества и самоощущения года. Работа в Фонде была напряженной и чисто административной.

Правда, денег было достаточно. В 1997 г. на заработанное я смог издать «Великие державы на Тихом океане». МОНФ, правда, дал моей книге свой номер серии ISBN, за что и был упомянут на оборот-тителе. Но в остальном книжка получилась во всех смыслах полностью моя.

«Великие державы» вывели меня на положение ведущего автора в области тихоокеанских исследований. На книгу вышло три рецензии в «Экслибрисе» «Независимой газеты» и одна большая — в журнале «Мировая экономика и международные отношения», написанная Николаем Алексеевичем Косолаповым, единственным специалистом-теоретиком в ту пору, которого я самонадеянно считал явно превосходящим себя. Рецензия была в меру критичной, но безупречно профессиональной и глубокой. Лучший критический разбор моей работы за всю жизнь. Была еще рецензия на английском языке в «Foreign Policy», написанная,

правда, русским автором М.П.Павловой-Сильванской. Кто-то (А.Г.Яковлев) робко поругивал книгу, но она, тем не менее, быстро была признана в сфере восточноазиатских исследований. Признание это было почти безоговорочным, что было заметно по реакции на мои выступления и даже на мою фамилию в востоковедных аудиториях¹. Это была первая крупная профессиональная удача. Теперь со мной серьезно говорили директор Института стран Азии и Африки при МГУ Михаил Серафимович Мейер, директор Института Дальнего Востока РАН (откуда я так бесславно уходил в мае 1988 г.) Михаил Леонтьевич Титаренко.

Академик Владимир Степанович Мясников общался со мной хорошо и раньше — он был оппонентом по моей докторской диссертации и принадлежал к числу тех, кто абсолютно всегда, как мог, по крайней мере, морально и политически — звонком, советом, рекомендацией — меня поддерживал. В 1998 г. он собирался занять место академика-секретаря Отделения истории РАН и уйти с должности зам. директора ИДВ РАН, где работал. В предвидении этой перемены он весьма благоприятно и заранее (месяцев за девять) предложил мне занять его место в ИДВ.

Ситуация была непростой. В Фонде меня держали большие деньги — «игла зарплатной наркомании». Я слишком хорошо помнил свою острую нужду в 1992–1995 годах (было три страшноватых месяца в марте-июне 1995 года, когда я ел только присланные отцом из Нальчика макароны с майонезом, так как даже на масло не было денег, а вареная колбаса покупалась по полкило три раза в месяц). Отец тогда, узнав о моих колебаниях, высказался — необычно для себя — определенно и твердо: работа в Фонде плоха, но заработать деньги в наше время трудно; смотри, сколько вокруг бедных людей. В общем Мясникову я ответил отказом, хотя учтывым и не безоговорочным.

Тем не менее мысль о возобновлении академической карьеры, которую я фактически

прервал, уйдя в Фонд, не оставляла меня, будучи мотивированной не только нарастающей неудовлетворенностью положением дел в Фонде, но и ситуацией в МГИМО, куда я пошел работать в сентябре 1996 года — одновременно с уходом из ИСК РАН.

Я пришел в МГИМО к первому ректору Ивану Георгиевичу Тюлину, который знал меня по работе на кафедре международных отношений и многочисленными статьями. Принес готовый проект кафедры теории международных отношений. В ответ Тюлин сказал, что создание кафедры — дело долгое. И предложил возглавить магистратуру по международным отношениям на базе принесенной мною программы. Я принял эту идею. В 1999 г. первые магистры получили дипломы.

Успехи случались и на «боковых направлениях». В июле 1998 г. я вполне случайно благодаря моему «доброму гению» Александру Леонидовичу Чечевишникову получил приглашение поработать аналитиком в еженедельнике «Век». Главным редактором его был Александр Германович Колодный. Газета придерживалась либерально-центристской, но государственнической ориентации. Это было по мне. Но я боялся, что не справлюсь: будучи уже классным автором по внешней политике, я мало писал о внутренней. «Век» же интересовали внутренние сюжеты. Однако я бросился в этот омут и оказался прав. Получилось. Уже скоро мои материалы стали печататься на первой странице, и через год я стал одним из ведущих авторов «Века». Эта непростая работа казалась мне очень интересной: настоящая, живая аналитика в оперативном режиме. К тому же хорошо, а с 1999 года — очень хорошо — оплачиваемая. Так появилось новое поле и новый источник финансовой независимости. Всплеск интереса к публикаторству принес и другой побочный, но важный опыт.

После одной из моих статей о положении дел на правом центре российской политике в «Независимой газете», где я иногда печатался параллельно с «Веком», мне позвони-

¹В 2003 г. «Великих держав» перевели на казахский язык и издали в Астане. Говорю об этом не без улыбки, но все-таки...

ли от Александра Николаевича Шохина, председателя фракции НДР в Госдуме. Через пару дней я встретился с ним, после чего около года работал при Шохине «личным аналитиком» – вместе с Андреем Владимировичем Виноградовым, моим соавтором по той «изначальной» статье, с которой началось знакомство с Шохиним. Это был уникальный опыт. Хотя карьерных выгод он не принес, благодаря этой работе состоялось мое погружение в мир политического консультирования. В 1999 г. я работал при избирательных штабах самарского губернатора Константина Титова (недолго и через посредничество Алексея Кара-Мурзы) и депутата ГД «от ВПК» Степана Степановича Сулакшина.

Мое увлечение работой с политиками, о котором я рассказал Картунову, не вызвало у него положительного отклика. Он и прежде считал меня не слишком лояльным Фонду. Поиск новой работы не был прост. Было только два места работать, где я бы хотел: ИМЭМО и снова ИСК РАН. Замдиректорство, о котором говорил Мясников, было второстепенным и не особенно желанным: я давно не хотел считать себя востоковедом и более десяти лет публиковал статьи по общим проблемам международных отношений. Я не хотел назад к востоковедению и к тому же, откровенно говоря, побаивался работать с Титаренко, которого помнил с восьмидесятых годов. Но деваться было некуда. Я набрался смелости и осторожно позвонил Мясникову. Тот быстро все понял и мягким грустным голосом честно пояснил: ситуация изменилась, его не избрали академиком-секретарем (им стал академик Фурсенко – отец будущего министра образования и науки в 2005–2010 гг.), а стало быть, уходить из ИДВ ему некуда, и значит, место не освобождается.

Я нашел повод поговорить с Владимиром Георгиевичем Барановским, только что назначенным замдиректора ИМЭМО (впоследствии стал академиком). У меня до сих пор остается впечатление, что, посмотрев мои послужные списки и публикации, он слегка растерялся. В том же ключе был и разговор с Николаем Алексеевичем Косолаповым, который в ИМЭМО заведовал

Отделом международных отношений. Он прекрасно представлял мои возможности. Поэтому разговор с ним свелся к его совету: прежде чем менять работу, убедитесь, что вас берут на другую. Это я знал и сам. Мне важно было понять атмосферу в ИМЭМО, и я ее понял. Шансов не было. Шел январь 1999 года.

В очередной раз наступив на горло самолюбию, я написал по электронной почте своему бывшему директору в ИСК РАНе С.М. Рогову. Психологически это было не трудно. Я и прежде, уйдя из института, периодически ему что-то писал: то комментарий по поводу статьи, то просто какую-то глупую идею. На этот раз я попросил аудиенции. У меня было, что нести на показ: я только что вымучил из себя и Андрея Виноградова очень трудную теоретическую статью о равноположенном развитии. Ее-то и предлагал Сергею Михайловичу сделать основой новой интерпретации американской внешней политики и российско-американских отношений. Под эту идейную платформу я просил создать сектор теоретических проблем, на заведование которым я был готов прийти в ИСК РАН. Переписка с Роговым заняла два месяца. Числа 3 или 4 марта он принял меня в половине девятого вечера. Через 20 минут разговора я понял, что он меня «посылает» и мысленно смирился с отказом. Но тут он выговорил самый важный аргумент: «Вы же не можете у меня занимать административную должность на полставки». Я спросил, отчего он думает, что я прошусь на полставки. У Рогова изменилось выражение лица: он, было похоже, немного растерялся (или притворился). Через секунды три он переспросил – так с трудовой? И получив повторный мой усталое безудыбный ответ (хотелось провалиться на первый этаж вместе со стулом), задумчиво сказал: «Алексей, судьба не часто балует меня подарками». Выпили.

Вроде бы радуясь его реакции, которая мне казалась искренней и непривычно человеческой, я был, тем не менее, сильно вымучен. Просить за себя и для себя всегда тяжело. Особенно когда понимаешь меру своей зависимости от ответа.

Мы договорились продолжить беседу через неделю. Дней через десять обсуждали проект Факультета мировой политики при ИСК РАН (как подразделения ГУГН РАН) с перспективой назначения меня заместителем директора по научно-методической и образовательной работе. Правда, до назначения прошло еще много времени.

Из МГИМО же я ушел «беззвучно» в день выдачи дипломов своим магистрам: после церемонии зашел к Тюлину и положил заявление. Отпустили без единого звука — как в ИДВ в 1988. Ни упрека и ни сожаления. Я остался работать на Кафедре международных отношений на полставки профессора. Из любви к ремеслу и престижных соображений. Шел июль 1999 года.

Параллельно стал прорабатывать вопрос о регистрации отдельной некоммерческой организации на базе своего старого Центра в МОНФ. В марте 2000 г. появился Научно-образовательный форум по международным отношениям. В 2002 г. грант на Форум был продлен и оформлено издание нового журнала «Международные процессы».

В феврале 2000 г. я был официально назначен заместителем директора, а в октябре меня утвердили на бюро Отделения МО РАН. Ход карьерного роста, наконец, возобновился. Стал бы я замдиректора, оставаясь все эти годы в Институте? Не очевидно и это. В сентябре 2000 г. начались занятия на открывшемся при ИСК РАН Факультете мировой политики как части ГУГН РАН. Это мое детище на новом месте и первый серьезный успех в роли замдиректора.

В эти годы работы произошла встреча с Генри Киссинджером. Он приехал в Москву летом 2001 года (это был год подписания российско-китайского договора, точно помню, так как о нем он говорил много и со смешным и претенциозным негодованием). Киссинджер был хорошо знаком с Г.А. Арбатовым. Состоялась его встреча в кабинете директора ИСК РАН, на которой с нашей стороны присутствовали почетный директор ИСК РАН Г.А. Арбатов, директор С.М. Рогов, замдиректора ИСК РАН М.Г. Носов, почетный директор Института Европы РАН

В.В. Журкин, А.О. Чубарьян, зам. директора ИМЭМО РАН В.Г. Барановский и я. Было очень интересно, так как веяло живым дыханием истории. Но интеллектуально это было тускло — Киссинджер говорил такие же вялые сентенции, которые вкладывал в свои книги 1990-х годов. Интеллектуально он был полностью в 1970—1980-х. Все еще рассуждал о возвращении «холодной войны». Или он не понял глубины переворота 1991 г. в России, или ему нечего было сказать. По его словам казалось, что он видит в российско-американских отношениях конца 1990-х аналогию кризису разрядки 1970-х годов. Инерция мышления, думаю, в сочетании с возрастом его подвели. Но всеобщие предсказания новой «холодной войны» в те годы в американских СМИ, думаю, шли как раз с подачи таких устаревающих, как он и Збигнев Бжезинский. Вот чем бывают нехороши классики. Но все равно, встреча запомнилась.

Гармония в карьерной ситуации длилась около трех лет. С осени 2002 г. начались довольно острые эмоционально, хотя второстепенные по сути разногласия и трения по работе с директором. Он стал все больше вникать в конкретику жизни на факультете, совсем не оставляя мне автономного пространства. Получалась ситуация «прямого президентского правления». Замдиректорство начинало походить на работу помощника-секретаря, о чем мы не договаривались, и что меня не могло устраивать.

Ходить на работу не хотелось. Терпения моего хватило на полгода — в январе 2003 г. я был вынужден уйти из института. «Спасибо» вслед не услышал. Выдворение из института я переживал крайне мучительно, проболев морально и в прямом смысле (не знаю, насколько заметно для окружающих), около четырех месяцев — а на самом деле намного дольше.

С апреля 2003 г. я поступил в Институт мировой экономики и международных отношений РАН в качестве главного научного сотрудника. Не таким я представлял себе когда-то переход в этот славный институт. Уговорил меня В.Г. Барановский.

С ноября 2001 г. начались финансовые трудности в «Веке». Газета продолжала выходить, но у нее поменялся собственник, что сказалось на стабильности финансирования. В ноябре 2002 г. газета перестала выходить совсем. Это было огромной потерей – я полюбил газету и был ей очень многим обязан профессионально и с точки зрения обретенной известности. С огромным трудом бывший главный редактор «Века» А.Г. Колодный реорганизовал обломки старой газеты и, найдя нового спонсора в лице Геннадия Юрьевича Семигина, создал на их основе «Родную газету», которую сам и возглавил. Я стал работать в новой газете с весны 2003 года, но это сотрудничество оказалось недолгим.

К лету 2003 года наметилось было потепление отношений с А.В. Картуновым, которые были холодными после моего ухода от него в 1999 году. Картунов тогда руководил «ИНО-центром» и «примерялся» к работе в Фонде «Евразия» (который он через год и возглавил). Но совместной работы у нас снова не получилось. Сотрудничества по линии двух наших организаций (Форума и ИНО-центра) Картунов не хотел. Он предлагал пойти к нему просто наемным сотрудником по индивидуальному контракту. Но с чисто рыночной точки зрения зарплата, которую предложил Картунов, казалась насмешкой с учетом реальной и рыночной стоимости моего рабочего времени – летом 2003 г. эту стоимость я, в отличие от осени 1996 года, довольно точно знал: она составляла тогда долларов 250 в час. Намного меньше, чем у юристов, но... Картунов предлагал 500 долларов в месяц. Побеседовав за «бордо» как-то летом 2003 года, мы расстались, недовольные друг другом. Больше при встречах мы никогда не разговаривали, только здоровались.

Продолжалось преподавание в МГИМО.

Осенью 2000 г. вышли два первых тома четырехтомной «Системной истории международных отношений. 1918-2000». Это часть большого проекта, части которого писались еще в 1993 году. Я руководил этой работой и написал в ней около 9 п.л. В архиве Форума лежат четыре благодарствен-

ных письма-отзыва: два от заместителя министра иностранных дел РФ И.С. Иванова, по одному – от академиков С.Л. Тихвинского и А.Н. Яковлева и из Института отечественной истории РАН за подписью замдиректора.

В августе 2002 г. вышел сборник моих работ 1990-х годов, куда также вошли избранные статьи Н.А. Косолапова и две главы из недописанной книги М.А. Хрусталева. Так получились «Очерки теории политического анализа и международных отношений» с фамилиями трех авторов на обложке. Моей работы в ней около 10 п.л.

Осенью 2002 г. я засел за написание – с огромным напряжением – третьего тома «Системной истории». Хотя я взял отпуск, работать спокойно не давали, и дело шло медленно.

Мою жизненную ситуацию странным образом немного разрядила поездка в США. В 1998–1999 годах я несколько раз получал информацию из Института Брукинса в Вашингтоне, которому были нужны исследователи из России для работы по какой-то из институтских плановых тем по Азии. Эта информация мало меня интересовала – я не хотел заниматься Азией и не особенно ей занимался после завершения книги о великих державах. Кроме того, память о тоскливой жизни за границей была во мне еще свежа.

Но Картунов, который тогда еще был моим начальником, попросил меня все-таки послать им документы, ясно понимая, что в случае выигрыша конкурса я не поеду. Так и получилось. Конкурс я выиграл, но ехать отказался под благовидным предлогом. Это пошло на благо моему коллеге Сергею Трушу, который тоже подавал на этот конкурс, но занял в нем второе после меня место по рейтингу. Он и поехал в Вашингтон.

Подозреваю, что в 2003 г. С.Труш решил отплатить «добром за добро», и когда в очередной раз в Брукинсе объявили набор кандидатов, он, будучи в курсе моей довольно скверной жизненной ситуации, указал им на меня. Я получил письмо с информацией о новом конкурсе. Но, как прежде,

счел идею неподходящей и отвечать ничего не стал. Они прислали письмо во второй раз и сообщили, что продляют сроки конкурса. Я снова не среагировал. Тогда совершенно неожиданно я получил личное письмо от президента Института Брукингса Строуба Тэлботта – бывшего заместителя государственного секретаря США и главного в прошлом советника президента У. Клинтона по российским проблемам. Письмо это я храню до сих пор. Оно было кратким, но очень лестным по содержанию. Смысл был в том, что он настойчиво приглашал подать бумаги на конкурс.

Спустя немало времени, я стал думать, что всем этим руководил из Москвы по электронной почте Труш. Он знал мой честолюбивый характер и догадался, что сдвинуть меня с места может только какое-то неожиданное развитие событий, которое, подозреваю, он и срежиссировал, посоветовав Тэлботу написать мне прямо. Ни Тэлбот, ни Труш в этом так и не признались, да и неважно это теперь уже. Но думаю, что схема была примерно такой. Как бы то ни было, благодаря этому тихому сговору русских и американцев, я получил возможность на год поехать в Вашингтон, получил своего рода творческий отпуск – или просто отпуск по жизненным обстоятельствам для преодоления стресса. Иногда помощь приходит неожиданно.

Конечно, какие-то люди в Институте США сразу же попытались распространить слухи о том, что я «бегу в Америку навсегда». Ясное дело, надо было показать, что я их «бросил». Повторяли эти глупости и в других местах. Поэтому назло разговорам, я, приняв решение ехать, счел важным сделать необычный для себя шаг – специально зашел к ректору МГИМО (я продолжал там работать на полставки) Анатолию Васильевичу Торкунову, рассказал ему о своих планах, но подчеркнул, что еду, безусловно, только на один год и потому прошу меня из их институтских планов не исключать. Это был разумный шаг.

2 сентября 2003 я отправился в длительную командировку в качестве приглашенного эксперта (Visiting Fellow) в Институт

Брукингса в Вашингтоне, где пробыл до конца июня 2004 года. Это была все равно, конечно, психологически изнурительная поездка (я не полюбил жить за границей), но по-своему очень нужная и полезная. Я узнал много нового и приобрел дополнительные контакты среди американских ученых и аналитиков. Все же домой я возвратился с нескрываемым облегчением. Ценные профессиональные контакты той поездки – Строуб Тэлботт, Фиона Хилл, Блэр Рубл, Брюс Пэррот, Клиф Гэджи.

Странно, но именно в Вашингтоне, весной 2004 года, прямо в стенах Института Брукингса, я впервые лично познакомился с Сергеем Александровичем Карагановым. Мы довольно пространно и весело обсуждали разные дела, из которых, правда, не вышло ничего конкретного. Однако с тех пор в Москве мы стали иногда «пересекаться».

9 июля 2003 г. я закончил третий том «Системной истории». Еще через полтора месяца закончил и редактирование четвертого, документального тома. В декабре 2003 г. вышли два заключительных тома. Рецензии на эти тома были напечатаны в «Независимой газете», «Свободной мысли», «Полисе», «Новой и новейшей истории» и «Россия в глобальной политике». Писали рецензии достойные люди – главный научный сотрудник Института всеобщей истории А.М. Филитов, заведующий Отделом международно-политических проблем ИМЭМО Н.А. Косолапов, первый проректор МГИМО И.Г. Тюлин, заместитель директора Института США и Канады В.А. Кременюк и директор Института славяноведения и балканистики РАН В.К. Волков. Отзывы на третий том пришли из МИДа от заместителя министра, из аппарата Совета безопасности РФ, аппарата помощников Президента РФ и даже от заведующего референтурой президента РФ.

Весь проект четырех томов занял 10 лет. Четырехтомник вышел тиражом 2000 экз. В 2007 г. он был переиздан в двухтомной версии.

Во время моего краткого приезда в Россию из США в феврале 2004 г. в Москве в Библиотеке иностранной литературы со-

стоялась презентация первых двух номеров нового журнала «Международные процессы». Это был первый российский журнал теории международных отношений. Февральская презентация стала своего рода творческим отчетом, поскольку в 2004 г. мне исполнилось 50 лет. Было настроение подвести некоторые, промежуточные по крайней мере, итоги.

Я продолжал работать главным научным сотрудником в ИМЭМО. Там ко мне относились доброжелательно — почти трогательно — все, начиная с самого Барановского и директора ИМЭМО академика Нодари Александровича Симонии до заведующего отделом Н.А. Косолапова, лаборанток и кадровичек.

В феврале 2003 г. с подачи одного из наших питерских «школьников» Димы Сулова, который в ту пору работал в «Независимой газете», мне предложили вести два раза в месяц колонку о мировой политике. Я согласился, и так началось мое сотрудничество с «Независимой».

Денег особых оно не приносило. Но эту газету знали и читали. Работа с ней позволяла оставаться в информационном пространстве, что было актуально с потерей «Века» и «Родной газеты» — недолгая работа с последней прекратилась с уходом А.Г. Колодного с поста ее главного редактора осенью 2004-го.

Довольно непредвиденно развились мои отношения с Андреем Афанасьевичем Кокошиным. Побывав заместителем министра обороны и секретарем Совета обороны и Совета безопасности, к 2003 г. он был депутатом Думы, председателем Комитета ГД по делам СНГ и связям с соотечественниками, директором Института проблем международной безопасности РАН и деканом нового Факультета мировой политики, который в 2002 г. был открыт в МГУ. Я почти не знал его лично, хотя, конечно, по работе иногда соприкасался с ним в те годы, когда он еще был зам. директора ИСК РАН. Немного чаще я пересекался с его женой, Натальей Арсеньевной Долгополовой, которая продолжала работать в ИСК РАН, когда он ушел на повышение. Уехав в США, я не без

ее помощи смог оттуда добиться заочного интервью с ним, «прозвонившись» по телефону из Вашингтона.

На наше счастье, Кокошину понравился наш журнал. Весной 2004 года, еще находясь в Вашингтоне, я получил сведения о том, что его помощники ищут меня и он хотел со мной встретиться. После возвращения в Москву, в июле 2004 года, от Кокошина позвонили и я попал к нему на прием. После двух месяцев переговоров я перешел на работу в его институт на должность заместителя директора с 1 ноября 2004 года. С ИМЭМО расставался с чувством неловкости и по добром, там были очень приличные люди. По сути дела они со всей определенностью и без колебаний морально и, я бы сказал, «политически» поддержали меня против Рогова в трудную минуту, хотя сделали это деликатно и не демонстративно. Работа с Кокошиным оказалось не трудной. Сам занятый, он ценил время и не докучал разговорами ни о чем. Как когда-то с В.А. Кременюком, у меня с Кокошиным тоже не было «проблемы низкого потолка». Как его бывший шеф Г.А. Арбатов, Кокошин любил окружать себя яркими людьми, не боялся своих сотрудников, чувствовал себя с ними спокойно и уверенно, что позволяло ему, не мучаясь ревностью, признавать их достоинства и одновременно использовать эти достоинства на благо дела. Талант, которого лишены многие. Среди «любимцев» Кокошина был Виталий Вячеславович Наумкин, блестящий арабист, с которым мы стали общаться по работе в связи с тематикой СНГ. Наумкин заведовал Кафедрой регионоведения на Факультете мировой политики МГУ и одновременно был главным редактором журнала «Восток». В 2009 г. его избрали директором Института востоковедения РАН.

В 2005 г. мы опубликовали большую книгу «Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ», в которую вошли многие публикации из моего журнала. С осени 2005 г. я начал работать с подачи Кокошина на Факультете мировой политики МГУ, хотя нагрузку себе я старался сделать минимальной — снова погружаться в учебный процесс мне не хотелось. За два года после ИСКРАНА

я научился ценить свое свободное время и старался иметь его больше. Очень интересно случилось работать и в жанре прикладной аналитики. Кокошин имел прямые выходы во власть и кое-что из того, что мы писали (в основном по ситуации в странах СНГ) он имел возможность представлять непосредственно в высокие кабинеты. Я вроде бы был всем доволен и привыкал к благам своего нового положения.

Все изменилось неожиданно. В тот миг, когда я, едва вернувшись из аэропорта по возвращении из Страсбурга в сентябре 2005 года, вошел в дом, мне позвонил первый проректор МГИМО И.Г. Тюлин и сообщил, что умер декан Факультета политологии А.М.Салмин. Я не был знаком с этим человеком, хотя знал его, как многие его знали, по выступлениям и публикациям. В общем, меня пригласили на его место. Это было вполне достойное предложение, хотя оно сулило гораздо более тяжелую работу. При этом надо было спросить разрешения Кокошина. Но он среагировал благодарно. Он не стал меня упрекать и удерживать, сказав: «Да, это такой драйв, который я Вам предложить не могу». Единственное, о чем он попросил, чтобы я не уходил сразу, а задержался до тех пор, пока не будут завершены некоторые важные для института формальности. 5 декабря 2005 г. я был избран деканом на Ученом совете. Так я вернулся в МГИМО во второй раз.

Осенью 2006 г. произошло большое и, главным образом, приятное событие. Меня, З.С. Белоусову и Т.А. Шаклеину от имени Института проблем международной безопасности РАН выдвинули на соискание премии Российской академии наук им. Е.В. Тарле за четырехтомник «Системная история». Борьба была достаточно жаркой, так как нашим конкурентом оказался известный военный историк старшего поколения Ржешевский, представивший свой труд по истории Второй мировой войны. Конечно, вокруг этой ситуации было немало интриг, ложных улыбок и ревности. Но можно сказать, что нам повезло. Комиссия из 10 членов проголосовала 7 против 3-х в нашу пользу. Руководили комиссией В.Г. Барановский

и В.С. Мясников — оба знали меня давно и в научном плане довольно хорошо, что не мешало им, насколько знаю, придерживаться прямо противоположных взглядов на ситуацию. Мясников голосовал, насколько сказали, против.

Премия в денежном смысле была не столь велика — 50 тыс. руб. на троих, но не в деньгах было дело. Особенно было приятно, что в состав лауреатов попала Зинаида Сергеевна Белоусова — ей было уже много лет (в 2006 ей исполнилось 80), она ушла из Института всеобщей истории РАН, где проработала всю жизнь, и весть о награде ее немного ободрила. В свое время мне была очень важна ее поддержка — к моменту работы в 1994–1995 годах. над первым томом она была уже «мэтром», признанным специалистом по межвоенному периоду, а я — напористым, но еще малоизвестным молодым автором. Но ее тогда несколько не смутила молодость руководителя, а если и смутила, то она мудро этого не показала, за что ей спасибо. Свою долю премии я отдал авторам — коллегам из Института США, В.И. Батюку и П.Е. Смирнову.

В том же 2006 г. книга эта вышла вторым изданием, которое было выпущено в облегченном варианте — в двух, а не в четырех томах, я исключил из него тома с документами. Мне хотелось популяризировать работу, и я понимал, что купить 4 тома людям бывает трудно и дорого. Этот план имел некоторый коммерческий успех — тираж 1200 экз. раскупили за 3 месяца и издатели сделали допечатку еще 1500 экз. Таким образом, всего «Системная история» разошлась в 4700 экземплярах. Не очень много, но и времена такие.

Став деканом, я начал с того, что создал Кафедру прикладного анализа международных проблем и открыл на факультете Отделение экономической политологии. Весной 2007 г. ректор предложил мне должность проректора. Я согласился. Работы стало намного больше. Наверное, в карьере мне помогал И.Г. Тюлин. У нас с ним установились доверительные рабочие отношения, но не слишком. Его внезапная смерть 30 июня 2007 г. после неудачной

операции была для меня, как и для многих, очень горькой утратой.

В конце 2007 г. наметились трудности в Фонде Макаруров, который давал нам деньги на журнал и Форум. Т.Д. Жданова, которая была его представителем более 10 лет, была вынуждена оставить свой пост. Мы были при ней одним из лучших проектов фонда. Но при продлении гранта нам почти отказали, сказав, что вопрос переносится на неопределенный срок.

Но что-то пошло «не так» в самом Фонде Макаруров. Я не знаю, почему, но президент Фонда Макаруров Джонатан Фэнтон неожиданно повторно приехал в Москву и сказал, что хочет посмотреть все основные проекты Форума. Нас вызвали на собеседование в одном из офисов нового отеля «Арарат-Хаят» на месте старого ресторана «Армения» на Неглинной. Беседа шла больше двух часов. О чем только я не рассказывал и чего только не говорил. Видимо, что-то смог донести. В ходе беседы у Фэнтон поменялось выражение лица. В конце он сказал, что готов попытаться помочь нам получить дополнительные средства в Фонде Старра. Похоже, что наша заявка у него перестала вызывать сомнения. Через месяц он написал нам, повторив, что готов помочь. Мы сделали заявку в Фонд Старра, но они нам отказали, несмотря на рекомендацию Фэнтон. Но сами Макаруры в 2008 г. нам деньги дали. Жданова из Макаруров окончательно ушла. Ее место занял Игорь Зевелев. С ним был каким-то образом знаком Миша Троицкий, бывший моим учеником с 1999 года. В сентябре 2009 г. он пригласил Мишу стать его заместителем в Фонде Макаруров, и Миша согласился. Думаю, это тульская траектория. Во всяком случае, в России быть политологом-международником в мидовском университете и одновременно работником американской организации — нонсенс. Маргинализация среди русских, переход в это странное сообщество московских сотрудников зарубежных представительств. Сытно — правда. Четыре мои попытки переубедить его ничем не кончились. Как он выразился, он «не смог оценить мои аргументы».

В сентябре вышла (32 п.л.) «Современная мировая политика. Прикладной анализ». Я был ее соавтором (4 главы), а мой бывший аспирант Андрей Байков — редактором. Издание разошлось за два месяца. В 2010 г. вышло второе издание.

Одновременно вышел римейк «Системной истории», который мы сделали вдвоем с магистрантом Виктором Аверковым. Мы перестроили старый текст в форме курса лекций и снабдили книгу мощными методическими приложениями (их и делал Аверков). Издана она была, правда, плохо: в линейной бумажной обложке и тиражом 500 экземпляров. Только для учебных целей. Но тоже получилась толстой. Тираж разлетелся мгновенно, а одно из вьетнамских издательств предложило перевести книгу на вьетнамский язык. В 2010 г. вышло второе издание этой книги на русском языке в издательстве «Аспект Пресс».

В октябре 2009 г. мне присвоили «Заслуженного деятеля науки Российской Федерации». Присутствие вокруг меня талантливых учеников — Андрея Байкова и Андрея Сушенцова сильно меня ободряло и смягчало тягость от ухода Троицкого. Но в целом утомление ощущалось. Работа проректором была интенсивной, от нее я уставал сильнее, чем от всех моих прежних работ, включая работу замдиректора в Институте США и Канады. Правда, в МГИМО не было Рогова.

Поездка в недельный отпуск на Оку в Пущино в октябре только подчеркнула, как сильно я устал. Я подумал, что это было «репетицией пенсии». Репетицией, правда, мне понравившейся — было изумительно красиво (прямо из окна — излучина Оки) и тихо.

Но, видимо, я сильно переоценивал свое здоровье. Отпуск, так проведенный, впрочем, меня не уберечь от удара. После острой ситуации на работе я получил инфаркт. Была сделана операция — поставили стент в сердце. Остался жив, но теперь было не ясно, сколько и как осталось жить. В апреле 2010 г. была вторая операция (второй стент), но она была удачной только частично. Одна из артерий за полгода с первой операции стала непроходной. Процесс, стало быть,

не остановился. За месяц до операции меня назначили первым проректором.

Пребывание в больницах не блокировало творчества. Поскольку мне довольно скоро разрешили печатать на компьютере, я занялся старым своим проектом – дописыванием книги по истории международных отношений в Центральной Азии. Это был сетевой форумский проект, который был начат еще в 2007 году вместе с нашими форумскими «школьниками» – Женей Троицким, Олегом Тимофеевым и Алексеем Дундичем. Работа была большая и очень интересная, так как вскоре выяснилось, что на русском языке ни одной комплексной работы по этой теме нет, а иностранные – представляют собой пересказ на английском языке сведений, почерпнутых в основном из разрозненных русских книг по сопряженным темам. Книга получилась довольно большой и мне самому понравившейся. Там много нового по постановке проблем, концепции, материалам. Найдены и введены в оборот малоизвестные детали, построена схема анализа положения дел в Центральной Азии как в историческом регионе, части которого входят в состав разных стран, но все же образуют некоторую цельность. Книга «Международные отношения в Центральной Азии» вышла в 2011 году и была первой русской книгой на эту тему*.

К 2011 г. у меня было опубликовано семь книг (четыре по регионоведению, две по истории и одна по теории международных отношений) и около 150 других работ. Всего более 200 п.л. на четырех языках. Сведения обо мне были включены в шесть справочников и энциклопедий: самые первые (неточные и неполные) – в «Библиографический словарь российских востоковедов» (сост. Милибанд С.Д.), японские справочники Who is Who in the Japanese Studies (1985, 1998), справочник «Международные исследования в России и СНГ» (1999), энциклопедический справочник «Россия-2000. Лица России» (2000) и др. Кажется, 15 книг и сборников увидели свет под моей научной редакцией (250 п.л.).

* * *

С 1968 г. по 1986 г. был комсомольцем, в 1985 г. – кандидатом, в 1986-1989 гг. членом КПСС. Выбыл из партии после образования КПРФ в 1991 г. (перестал платить взносы). Награждался по итогам общественной работы Почетными грамотами ЦК и МГК ВЛКСМ.

Кандидат исторических наук с 1983 года, доктор политических наук с 1996 года, профессор с 1999 года. В 2009 г. получил почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ». В 2008 г. – дипломатический ранг советника первого класса.

Мать Горячева Мария Емельяновна 1923 г.р., русская (дед был казак, расстрелян по делу о «Кубанском саботаже» в 1929 г.), родилась на Кубани в ст. Прочнокопская Краснодарского края. Работала в Нальчике учителем, завучем средней школы, заведующей кабинетом педагогики республиканского Института усовершенствования учителей, заместителем министра просвещения Кабардино-Балкарской АССР, председателем облсовета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Имела почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Была награждена орденом «Знак почета», значком «Отличник народного просвещения». Умерла от рака в Нальчике 18 июня 1979 г., когда мне было 25 лет.

Отец – Богатуров Демосфен Андреевич 1926 г.р., грек, родился в селе Цихис-Джвари Боржомского р-на бывшей Грузинской ССР. Работал главным инженером, начальником автоколонны 1437 Кабардино-Балкарского транспортного управления. Был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, имел почетное звание «Заслуженный работник транспорта КБАССР». В 1991 в возрасте 72 лет стал пенсионером, но смог жить недолго, он умер почти в один день с матерью, но на 19 лет позднее – 19 июня 1998 года.

Вот и все.

*23 августа 1998 г.
с дополнениями 1 августа 2011 г.*

* Коллективная монография «Международные отношения в Центральной Азии: события и документы» была удостоена первого места престижной премии «Общественная мысль» в 2011 году. – Прим. ред.